

ЭССЕ "ЦИРКА" ОДИН

ЛЮДМИЛА НЕЙМАН ПОСЛЕВКУСИЕ

№ 32 1998

Неприятие системы, негативизм у моего поколения слились с неприятием жизни, болезнь общества стала болезнью индивидуума, депрессия, раздвоение личности - отражением той двойственности, к которой система побуждала.

Но вот интеллигенция получила доступ к тайникам и хранилищам произведений искусства, ранее запрещенных, отпала необходимость в негативном отношении, казалось бы, нам дали все, твори! И тут наступил рецидив. Именно творческая интеллигенция, воспитанная на многолетней традиции отрицания, стала с трудом балансировать на канате: оказалось нечего критиковать, некому не подчиняться, не от кого прятать в стол свои рукописи. Сам процесс творчества еще совсем недавно был изощренной формой неучастия. Возник вопрос, как от негативизма перейти к чему-то позитивному, в какой проявитель окунуть непроявленную пленку, чтобы на ней поменялись местами черный и белый цвета.

Мне хотелось бы напомнить умствующему интеллектуалу, что раздвоение личности всегда сопутствовало познанию. Человек "порвал с единством своего непосредственного бытия, вкусив от запретных плодов" древа познания. "...вступление в состояние противоречия, пробуждение сознания лежит в самом человеке, и этот процесс повторяется в каждом человеке." (Гегель, "Энциклопедия философских наук", М.: Мысль, 1975, том 1, стр.129). Далее Гегель пишет, цитируя священное писание: "...человек не должен остановиться на раздвоении, в котором мы находим все человеческое. Но неправильно, что непосредственное, естественное единство есть подлинный путь. Христос говорит:" Если не станете, как дети...", но он не говорит, что мы должны оставаться детьми. То единство, которое мы наблюдаем в детях как нечто естественное, должно быть результатом труда и культуры духа". Таким образом, эту ступень - ступень познания и раздвоения - мы должны освоить и преодолеть, подняться над ней, но не перескочить ее, так как "лишь посредством познания реализуется изначальное призвание человека быть образом божиим".

Как известно, познанию сопутствует рефлексия, и на определенной ступени познания наступает такой момент, когда человеческие чувства истончаются настолько, что дальнейшее совершенствование становится невозможным. Так у Эдгара По погибают последние отпрыски аристократического семейства ("Падение дома Ашеров"), так рушится Римская империя, искусство которой в известном смысле представляло собой слепок с культуры древнегреческой и, тем самым, являло как бы ее же декаданс. Культура Древней Греции, в свою очередь, произошла от культуры еще более ранней - Крито-Микенской, и т.д. "Есть декаданс египетский, арабский,

китайский, точно так же, как и западно-европейский. Здесь дело идет не о собственно политических, и экономических, даже не о религиозных или художественных изменениях. Вообще здесь говорится не об осозаемом, не о материальных фактах, а о сущности души, осуществившей все свои возможности без остатка" (О.Шпенглер, "Закат Европы", Москва-Петербург, 1923г.).

Таким образом, с точки зрения смены человеческих цивилизаций, можно было бы прийти к выводу, что и нам нужна некая очистительная сила, какой были племена германцев по отношению к Риму. В начале XX века Валерий Брюсов не зря же воскликнул: "Кто вы, грядущие гунны...", предварив свое стихотворение строкой из Вячеслава Иванова: "Топчи их рай, Атилла".

Но речь не о том, кто кого уничтожит. Речь о человеческой душе, которая раздвоилась, и в раздвоении этом убивает самое себя, хотя это уже как бы и не нужно. "Мы выписаны из психбольницы", - с грустью замечает Сергей Лейбград. Что за этим?

Художнику свойственна повышенная восприимчивость, он обитает в своем - особенном - мире, мире образов, символов, знаков. У него свои слуховые, зрительные, осязательные ряды ассоциаций; он по своему ощущает звук и цвет, вкус и запах, ему доступно четвертое измерение, шестое чувство. "Им, действительно, открывается многое... здесь можно найти миры. Но это микромиры. Вероятно, кто-то решил бы, что в этом смысле, кто-то ушел в это. Я не хочу", - пишет известный психотерапевт Карвасарский. Возможно, "уйти в это" было единственным спасением, единственным способом сохранить личность. Но "... сегодня само понятие личности весьма расходится с тем, что подразумевали биографы и историки прежних времен. Для них... существенным казалось отклонение личности от нормы, аномалии, неповторимость, нередко прямо-таки патологическое, в то время как мы сегодня выдающейся почитаем личность лишь тогда, когда встречаем человека, который, не впав в оригиналничанье и избегнув всяких причуд, сумел возможно более совершенно найти себя в общности, возможно совершеннее служить сверхличному" (Герман Гессе).

У нас же индивидуализм возвел себя в степень, сверхличное еще не созрело. Да и есть ли ему место в сегодняшнем мире, настали ли те времена? В этом, еще не ушедшем, веке современниками оказались Брежnev и изгнанный им Иосиф Бродский, Сталин и уничтоженный им Осип Мандельштам, Ленин и расстрелянный им Николай Гумилев. В ретроспективе этот список мог бы быть продолжен: Пушкин, Будда, Сократ...

"Быть изгаем при всех царях и народоустройствах:
Совесть народа - поэт. В государстве нет места поэту!"
- писал в 20-е годы Максимилиан Волошин, провозгласив этическую и, тем самым, эстетическую позицию поэта. Поэзия и есть поступок, а именно: "Писателю остается молчание как последний жест иного мира" (Sontag S. Styles of Radikal-will. New York, 1969).

